

Услышав, как Лян Цзинь с первой попытки назвала лекарство, Цин Шуан слегка приподняла бровь. Хотя она была готова к этому, её всё же удивило, сколько Лян Цзинь знает о Дворце Цзысяо или о ней самой.

Но Лян Цзинь не говорила об этом, и она не спрашивала. Раз уж она решила доверять, она будет ждать, пока этот человек сам всё расскажет.

Они были всего лишь случайными встречными, и после того, как дела в Долине Фэньцин будут улажены, они, вероятно, разойдутся в разные стороны. Зачем же настаивать? Даже если Лян Цзинь действительно была тем человеком, о котором говорила Владычица, она подождет, пока не исполнит свой долг и не убедится в этом окончательно.

— Сегодня я поступила опрометчиво и должна извиниться перед мисс Лян. Вы не держите на меня зла и даже указали мне на путь меча. Ваша широта души вызывает у меня восхищение, — Цин Шуан вложила меч в ножны и спокойно произнесла.

Лян Цзинь улыбнулась, облокотившись на подоконник, и с улыбкой посмотрела на красавицу во дворе:

— Фея Цин Шуан, если другие называют меня «мисс», это ещё куда ни шло, но мы с ними не знакомы, мне неудобно возражать. Но если и фея будет так меня называть, мне будет очень неловко. Посмотри, мы ведь знакомы уже несколько лет, может, фея сменит обращение?

Лян Цзинь всегда удивляла Цин Шуан своими словами. Она действовала спонтанно, и на этот раз, притворяясь послушной, она хотела ещё больше сблизиться. Цин Шуан не могла сдержать улыбки:

— Как же мне тебя называть?

Лян Цзинь оживилась, выпрыгнула из окна и весело сказала:

— Мы с феей почти ровесницы, может, будешь звать меня Сяо Цзинь?

Цин Шуан рассмеялась. Она и раньше думала, что у Лян Цзинь толстая кожа, но сейчас поняла, что её наглость не знает границ. Как она могла так естественно сказать что-то настолько стыдное? Что значит «знакомы уже несколько лет», ведь они были знакомы всего несколько дней.

Цин Шуан долго колебалась, собираясь отказать, но, увидев, как глаза Лян Цзинь светятся ожиданием, вдруг смягчилась. Она слегка сжала губы и произнесла:

— Сяо Цзинь.

Знакомое слово, вдруг вырвавшееся из уст Цин Шуан, заставило сердце Лян Цзинь дрогнуть. Она резко опустила голову, чтобы Цин Шуан не увидела её лица, и, сделав несколько глубоких вдохов, смогла сдержать свои эмоции, чтобы не выглядеть слишком жалко.

Она надеялась услышать, как Шуан назовет её так же, как в прошлой жизни, но не смела надеяться на это слишком сильно, и не ожидала, что Шуан действительно согласится.

Когда она подняла голову, её черные глаза светились, как звездное небо, полное радости. Она смотрела прямо в глаза Цин Шуан и тихо ответила:

— Угу.

С тех пор, каждый раз, когда Цин Шуан тренировалась с мечом во дворе, Лян Цзинь находила предлог подглядывать. Сначала Цин Шуан прогоняла её, но со временем привыкла и перестала обращать внимание, пока Лян Цзинь не мешала её практике.

Лян Цзинь была в восторге. Позже она стала ненавязчиво упоминать о приёмах меча, и Цин Шуан, если находила её советы правильными, смиренно прислушивалась к ним.

Лян Цзинь всегда замечала недостатки в технике Цин Шуан и предлагала блестящие решения.

Постепенно Цин Шуан узнавала Лян Цзинь лучше. Раньше её представление о Лян Цзинь ограничивалось шестнадцатью иероглифами: преданность и справедливость, четкое разделение любви и ненависти, высокомерие и самонадеянность, выдающийся талант.

Со временем она поняла, что, несмотря на эксцентричный характер, Лян Цзинь была умной и дальновидной. Она всегда балансировала на грани, но вовремя отступала, сохраняя достоинство.

Будучи ученицей Владычицы Дворца Цзысяо Янь Бухуэй, Цин Шуан встречала множество людей, которые, узнав о её статусе, лебезили перед ней. Даже в Дворце ученики относились к ней с почтением, а старшие, кроме Янь Бухуэй, вели себя сдержанно.

Кроме того, она была холодна по натуре и не стремилась к дружбе, поэтому за все эти годы у неё было мало близких людей, не более пяти.

И среди них Лян Цзинь была самой необычной.

Лян Цзинь отдавала ей всю душу, не прося ничего взамен, но Цин Шуан не могла поверить, что Лян Цзинь просто хотела быть доброй к ней без всякой выгоды. Она знала, что Лян Цзинь что-то задумала, намеренно сближалась с ней и знала о ней всё. Если бы это был кто-то другой, она бы уже убила его.

Но это была Лян Цзинь, и всё было иначе.

Лян Цзинь не была похожа на тех, кто раньше пытался сблизиться с ней. Она не была ни осторожной, ни высокомерной, и хотя в её глазах всегда была хитрость, Цин Шуан не чувствовала от неё зла.

Лян Цзинь была мстительной, но, терпя неудачи от Цин Шуан, она никогда не злилась. Даже на Платформе Цинъюнь, когда она была в таком уязвимом положении, Лян Цзинь ненавидела Янь Бухуэй, но не переносила эту ненависть на неё.

Лян Цзинь была гордой, но не высокомерной. Только те, кто не знал её, считали её самоуверенной. На самом деле, её гордость была глубоко внутри, и она не проявляла эмоций из-за своего уровня мастерства или получения сокровищ.

Она не чувствовала себя неполноценной из-за того, что Цин Шуан была намного сильнее, и всегда оставалась собой. Чем дольше Цин Шуан знала её, тем больше замечала её мелких привычек, которые сильно отличали её от других знаменитых талантов.

Увидев, как Лян Цзинь снова вылезает из окна, Цин Шуан посмотрела на неё косо. Этот человек всегда выбирал необычный путь.

В последнее время каждую ночь она вспоминала образы, которые видела в памяти Лян Цзинь. Если Лян Цзинь действительно была тем человеком, о котором говорила Владычица, она была готова подружиться с ней, даже если в будущем им придется сражаться.

Лян Цзинь проснулась утром и, как обычно, подошла к окну, но не увидела Цин Шуан, тренирующейся с мечом во дворе. Вместо этого она сидела на каменном стуле, читая книгу. Лян Цзинь улыбнулась, выпрыгнула из окна и, подпрыгивая, подошла к ней, небрежно усевшись на соседний каменный стул рядом с Цин Шуан.

Она видела, что Цин Шуан не отрывает взгляда от книги, и переворачивает страницу за страницей.

Лян Цзинь провернула кистью, достала из пространственного браслета изящный кувшин с вином и две чашки. Налив вино, она поставила одну чашку рядом с Цин Шуан и, не издавая звуков, чтобы не мешать, взяла другую и сделала небольшой глоток.

Сладковатое вино скользнуло по горлу, Лян Цзинь слегка прищурилась. Когда она выходила из Хэфэна, она специально заехала в городок у подножия Горы Моса и купила десяток кувшинов вина «Пейзаж уходящих лет». Странствуя в одиночестве, она иногда выпивала чашку, чтобы поднять настроение.

А теперь её возлюбленная была рядом, и даже если Цин Шуан не пила с ней, Лян Цзинь была счастлива. Эти дни, проведенные в заточении в усадьбе, были самыми счастливыми с момента её возрождения.

Цин Шуан внезапно закрыла книгу и, к удивлению Лян Цзинь, естественно подняла руку, чтобы снять белую вуаль с лица. Затем она взяла чашку, поднесла к губам и сделала маленький глоток.

Когда вино опустилось в желудок, уголки губ Цин Шуан слегка приподнялись в мягкой, теплой улыбке. Хотя это было всего лишь легкое движение, Лян Цзинь застыла, замороженная.

<http://bllate.org/book/16682/1531474>